Победа

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Изувеченные войной,
Доживают свой век
ветераны.
Им поклон наш
Глубокий, земной
За победу, страданья и
раны.
На плечах ту Победу
несли.
Сотни глаз омывали
слезами.
Миллионы, сражаясь,
ушли
В мир иной,
Но войну повязали.

Он смотрит на снежную белизну за окном, на пробегающих мимо раскрасневшихся от мороза мальчишек. Вроде бы не так давно и его дети были такими, а поди ж ты, сколько лет прошло. У самих уже дети взрослые. Помнится, придет домой, а сынки и дочки облепят его со всех сторон. Один бороться предлагает, другая просит рассказать что-нибудь интересн[illegible]а третья с надеждой спрашива[illegible]инес ли что-нибудь вкусненьк[illegible]. Крепко он любил своих детей. Да что любил, и сейчас любит, помогает по возможности.

в избе так тесно, что ни сесть, ни встать. Только стоять и можно было.

Так их 378 я часть дошла до г. Тихвина, что под Ленинградом. Уже был декабрь. Они вступили в бой за освобождение города. Михаил Никифорович был пулеметчиком. Три раза город переходил от наших к немцам. И все же его наконец освободили. Потом их полк взял Волховское направление.

Ту памятную для ветерана ночь они простояли в лесу у реки Волхов. Утром 8 января его в числе других вызвали в штаб полка, выдали партбилеты. А вскоре начался бой. Перед ними поставили задачу—форсировать реку Волхов, захватить небольшой городок Чудово, стоявший на противоположном берегу реки.

—Помню огромные пятиэтажные корпуса. В них засели немцы. Помню, как упал последний взятый на мушку немец. Может, он меня и ранил. Помню ослепляющую ярость к немцам. Я как бы очнулся от нее, когда ко мне подошел командир и крикнул: «Ты что же, не чувствуешь, что ранен? Полный валенок крови налился, а ты ничего не видишь. Бросай пулемет и ползи, как можешь, в тыл». Мороз хороший в тот день стоял. Я чувствовал, что обес-

Память на время пропала.

Где-то за час Михаила Никифоровича ранило пять раз. Много осколков вынули из него в первом госпитале —Кохме, но два, у легких и внизу спины, под позвоночником, так и остались в нем на всю жизнь.

Более полугода пролежал Михаил Никифорович в госпиталях. Затем по состоянию здоровья его комиссовали. Но домой солдат тогда так и не попал.

—Стоим мы с ребятами в коридоре госпиталя, адреса переписывали. Видим, заходит капитан и направляется к начальнику госпиталя. Прислушиваемся. Спрашивает, можно ли пересмотреть решение в отношении нас. Тот дал добро. И начали нас смотреть по-новому. Я еще забинтован был, кровь из ран еще сочилась. Сестра разбинтовала меня, капитан посмотрел, говорит: «Пойдет, у нас служба не тяжелая». Так из 20 человек отобрал 15. Раскидали нас по частям. Я попал в войска МВД по ликвидации банд. В то время в тылу страны было страшно— убийства, бандитизм. Нужно было наводить порядок. Там была своя война, но более тихая и непредсказуемая. И врага на ней не сразу можно было определить, увидеть, и появиться он мог также неожиданно, и был таким же

коридоре темно, а мы, как назло, фонарик забыли. Я иду вперед, товарищ-то за мной. Он, наверное, спичкой чиркнул. Только слышу кричит: «Миша, нож!». Я на шаг до преступника не дошел, у того уже финка была наготове. Схватили мы его, сдали в железнодорожную милицию.

Бывало, преступников и не удавалось поймать, иных ловили.

Михаил Никифорович на минуту замолкает, задумываясь, потом продолжает:

—Я разоблачил банду из 47 человек, которая занималась воровством и убийством. Главарь банды, Логинов, служил у нас старшим лейтенантом. Еще два человека из наших были в этой банде. В нее входили и железнодорожники, которые по

Сколько их было, этих зим в его жизни. Нынешняя восемьдесят четвертая. Дед его дожил до 115 лет. Помнится ему, в баньке напарится докрасна— и на улицу. В снегу обкатается-обкатается, и назад в баню. Здоровый был. Такому и жить хорошо. А больному, как он, часто смерту становится.

Лютая зима 1942 года была для него роковой. И хотелось бы ее забыть, ка никак не получается. Видно бы кто-то недобрый постарался оставить тогда на его молодом и крепком теле побольше глубоких отметин. И они как большие раны— зарубки, изуродовавшие деревце. Затянулись, зарубцевались, но все последующие годы то и дело напоминали о себе. А под старость и совсем лишили покоя. Болят, ноют места былых ран. И два осколка, которые он с тех пор носит, не дают о себе забывать. Уже нет сил заниматься делами. Ходить и то тяжело.

В нескольких войнах довелось участвовать Михаилу Никифоровичу Железовскому. Он воевал с японцами у озера Хасан. Был на финской. Их часть стояла в резерве. С месяц спали, почти не раздеваясь. А война с немцами напоминает о себе всю жизнь.

На войну его взяли в августе 1941 года. Было ему тогда двадцать два. Первое боевое крещение на Великой Отечественной войне Михаил Никифорович получил в эшелоне, в котором их везли на Ленинградский фронт. Их эшелон бомбили по очереди два немецких самолета.

—Три последних вагона оторвало во время бомбежки. Вагон, в котором находился я, был ближе к паровозу. Помню, один из наших дал очередь из пулемета по самолету. Тот загорелся. Через несколько минут и второго та же участь постигла. Под Вологдой наш эшелон разбомбили. Ночью нас высадили из оставшихся вагонов и 500 километров мы шли пешком в сторону Ленинграда. Вперед двигались только по ночам. А на день нас растолкают по избам. Бывало, Проползаю мимо командира отделения, он был родом из Красноярского края. Лежит без обеих ног— отторвало. Он говорит мне: «Ты, может, останешься живым, а я уже нет. Заедешь в Красноярск к жене». Дал мне адрес, распрощались мы. Только отполз я от того места метров на сто, мина туда и жахнула.

Ползу дальше. Вижу в метрах пятидесяти от меня—ракитный куст. Решил доползти до него. А в это время снаряд надо мной разорвался и осколок от него попал мне в спину. Удар был таким сильным, что меня развернуло в другую сторону. А в кусте был начальник штаба батальона. «Живой?»— кричит мне. —«Живой»,— отвечаю. «Сможешь к нам развернуться? Ползи, как можешь», —кричит дальше он мне. Добрался я до куста как-то. Кровь со спины хлещет— рана там большая. Командир перевязочные пакеты туда положил, рубашки свою да еще двух ребят, они тоже там сидели, разорвал, перебинтовал меня. Дальше сказал солдатам, чтоб утащили меня в ельник, там, мол, санитары подберут. Протянули по земле немного, тяжело им. Решили— давай встанем в рост. Только к берегу подходим, там был ельник, мне опять пуля в ногу попала. Как потом оказалось, навылет. Положили пока возчики меня в ельнике под елку дожидаться —санитары подъедут и подберут. Лежу, и тут мина прямо в елку ударила. Ее как пилой срезало. Меня этой елкой и накрыло. Выползти из-под нее не могу. Слышу, проходят санитары. Я—кричать. Взяли меня на сани, а в это время немецкие самолеты рядом бомбили наш обоз, идущий на фронт с продуктами и боеприпасами. Мы уже в поле выехали. Обоз разбили, а на нас, наверное, бомб не хватило. И уже когда мы подъезжали к санбату, рядом с нами разорвалась бомба. Мне перебило надглазные косицы, не знаю, как глаза целые остались. Контузило меня, да так, что я сам себя не понимал, как дурачок был месяца три.

Гарнизон, в который направили М. Н. Железовского, стоял на станции Вятские Поляны. Так же назывался и районный городок, находящийся в нескольких километрах от станции. Михаила Никифоровича назначили командиром отделения оперативной группы из шести человек. Его объектом был отрезок железной дороги в 300 километров. Он со своими бойцами дежурил сутками. Садились в любой товарный поезд и с целью охраны грузов проезжали 300 километров в одну сторону, затем— обратно. В этой службе от них требовались предельная внимательность, чуткость и осторожность. В любой момент нужно было быть начеку.

—Идешь, и не знаешь, куда нож может полететь, в грудь или в спину, — говорит мой собеседник.

Прошу рассказать что-нибудь о той опасной службе.

—Раз на волосок от смерти был,— продолжает Михаил Никифорович.— Вора мы заметили еще до станции. Видели, как он залез на платформу, где стояло два контейнера с ценными грузами. И поэтому я предложил разделить отряд. Четыре человека отправил в сторону узловой станции Агрыза, а сам и боец по фамилии Белоусов, имя позабыл уже, поехали в сторону Москвы на поезде, который интересовал вора.

Обычно жулики взламывали контейнеры и выкидывали из них, что там было—вещи, продукты — на пути. По дороге за поездом ехала машина, все у них было организовано, и выброшенное подбирали, а затем им спекулировали.

И вот поехали мы. Когда поезд проехал один переезд, вор железной под вид лома начал ломать стойку контейнера. Я, как старший, сорвал стоп кран. Поезд остановился, а вор соскочил и бежать в поселок. Мы за ним. Он побежал к баракам, в которых жили рабочие железной дороги. Мы не заметили, в какой из двух он заскочил. Забежали в первый— там его нет. Мы в другой. А там почему-то света не было. В мужик был. И они меня хотели подговорить в банду. Я отказался. Почему? С детства меня отец воспитывал: не бери чужого, будь честным. И если уж говорить о честности, то во время моей молодости честных людей было намного больше.

О предложении бандитов я сказал своему начальнику. Стали за ними следить. От нашей станции до районного города километра три было. И бандиты выбирали себе жертву. На этот раз им приглянулся молодой мужчина с портфелем, как чемоданчик. Как потом оказалось, секретарь райкома комсомола. Четверо бандитов, среди них был и главарь, напросились ему в попутчики. Где-то на полпути к городу была речка. Вдоль нее лежали большие штабеля дров. Оттуда вышли еще бандиты. Главарь заставил секретаря открыть чемодан. В нем оказались книги для комсомольцев. Молодому человеку выстрелили в затылок, чтобы замести следы. Пуля прошла насквозь, но, по счастью, ничего важного не задела. И он спрятался под мост. Преступникам было уже не до него. Мы предупредили милицию в городе. И следили за ними с самого вокзала, в тот момент подоспела городская милиция. Целую неделю шел судебный процесс над бандитами. Главаря банды приговорили к расстрелу, остальным дали по 10—15 лет тюрьмы. А то еще случай был. В свободное время бежал я по железной дороге в гости к ребятам. И вдруг вижу, на пути выломан кусок рельсы, и к этому месту уже приближается товарняк. Как потом выяснилось, ожидали 70 вагонов с сахаром. Я понял, если только поезд дойдет до этого места,— крушение неминуемо. Побежал навстречу поезду, машу форменной фуражкой машинисту, давая понять тем самым, что тот должен остановить состав. Паровоз затормозил метрах в пятидесяти от места неисправности.

(Окончание на 4-й стр.).

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Михаил Никифорович вспоминает о дне Победы. Известие о ней застало его на дежурстве. Было часов пять утра, когда он услышал по селектору сообщение начальника Казанской железной дороги: «Передайте всем, что война закончилась. Победа». Сколько же радости принесли эти слова! Он побежал в гарнизон, передал сообщение старшине. Тот поначалу не поверил, и только когда сам услышал повторение сообщения по селектору, понял, что долгожданная победа пришла. Затем они салютовали из пятнадцати винтовок, разбудив раннее весеннее утро, жителей станции. Люди выходили из домов и, услышав о свершившемся, радовались и плакали одновременно. Ведь каждого из них война коснулась— по-разному.

Только летом 1946 года М. Н. Железовского уволили из войск МВД по состоянию здоровья. По моей просьбе он показывает свои награды: Орден Отечественной войны I-й степени, медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Добросовестный труд ветерана в мирное время отмечен значком ударника и медалью «Ветеран труда».

Наш разговор с М. Н. Железовским подходил к концу. Мы опять коснулись состояния его здоровья. И здесь ветеран поделился тем, что его волнует.

—При выписке из госпиталя, — говорит он,— мне дали первую группу инвалидности. Но поскольку я служил дальше, мне она вроде бы была ни к чему. В мирное время мне почему-то поставили третью группу инвалидности. И только недавно меня надоумили послать запрос в Ленинградский архив. Оттуда прислали выписку из истории моей болезни. Ее зачем-то забрали в райсобес, а меня заставили проходить медицинскую комиссию. И поставили мне вторую группу инвалидности.

Почему же вторую? — недоумевает бывший солдат.— Ведь состояние моего здоровья не улучшилось, наоборот — ухудшилось.

Добавлю, и осколки тоже остались на своих местах...

А. ВОРОПАЙ.